

18+

Людмила Толмачева

**ЛЮБОВЬ
ВСЕМУ
ВЕРИТ**

Роман

Людмила Толмачева

Любовь всему верит. Роман

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63076881

ISBN 9785005169952

Аннотация

На праздник в загородном пансионате собираются гости. У каждого своя причина спрятаться в уединенном месте: одни надеются обрести семейный покой, другие – вечный. Но обстоятельства «путают все карты». Герои влюбляются, ревнуют. Жизнь сталкивает их то в ссорах, то в смешных ситуациях, а однажды объединит перед лицом серьезной опасности. За короткий срок они откроют в себе и партнерах много нового, обретут бесценный опыт, поймут, что только в любви вечный смысл и ключ к осуществлению мечты.

Любовь всему верит

Роман

Людмила Толмачева

© Людмила Толмачева, 2025

ISBN 978-5-0051-6995-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

На праздник в небольшом загородном пансионате собираются гости. У каждого своя причина спрятаться в уединенном месте: одни надеются обрести семейный покой, другие – вечный. Но обстоятельства «путают все карты». Герои решают нравственные задачи, делают нелегкий выбор, влюбляются, ревнуют. Жизнь сталкивает их то в ссорах, то в смешных ситуациях, то в исповедальных беседах, а однажды объединит перед лицом серьезной опасности. За короткий срок они откроют в себе и партнерах много нового, обретут бесценный опыт, поймут, что только в любви вечный смысл, спасение и ключ к осуществлению мечты.

* * *

Поезд набирал скорость. За окном двухместного купе то

и дело менялись картинка городского пейзажа. Вот уже позади эстакады кольцевой дороги, и взору открылись заснеженные поля и перелески Подмосковья.

Подполковник в отставке Балашов, стройный мужчина средних лет, открыл чемодан и достал спортивный костюм – новенький, с эмблемой мирового бренда. Он мог позволить себе такие вещи – служба в специальном подразделении, да еще в горячих точках, имела приличный денежный эквивалент даже на пенсии.

Быстро переодевшись, Балашов устроился за столом и развернул газету, купленную на вокзале. Но чтение прервал шум отодвигаемой двери.

В купе вошел упитанный господин в очках и со вздохом облегчения плюхнулся на лавку.

– Уфф! Упарился. Представьте себе пробежку через весь состав, – доставая носовой платок, пожаловался он к Балашову.

– Опоздали?

– Угу. Уцепился за последний вагон. А проводница, черт ее возьми, давай билет требовать. А поезд идет, прикиньте!

– Ничего. Главное, едем.

– И то верно. Извините, даже не поздоровался. Олег Петрович, – привстал он, протягивая руку. – Можно просто Олег.

– Сергей, – ответил на рукопожатие Балашов, тоже вставая.

– Вот и чудесно, – резюмировал Олег, снимая дубленку. – Бог, как говорится, послал доброго соседа. А то, знаете, как бывает...

Попадется какой-нибудь зануда или, извините, алкаш, и маешься с ним всю дорогу, километры считаешь...

– А если я тот самый зануда и алкаш, – усмехнулся Балашов. – Откуда вам знать?

– Ну-ну. Не на того напали. Я, дорогой Сергей... как по батюшке?

– Владимирович.

– Сергей Владимирович, по профессии психолог. Меня на мякине не проведешь. Сразу вижу – нормальный человек передо мной или... так сказать, с тяжелыми комплексами.

– У-у, тогда это серьезно. Боюсь, всю подноготную раскроете, пока едем.

– Ха-ха-ха, – рассмеялся психолог, открывая свой чемодан. – Такой цели у меня нет. Зачем мне лишняя информация? Человеческий мозг не бесконечен. Дай бог, с профессиональными задачами справляться, а с попутчиком хотелось бы просто человеческой беседы. Так сказать, разделить тяготы долгой зимней дороги. Кстати, куда путь держите?

– В Синеборск.

– Синеборск? – наморщил лоб Олег. – Извините, а где это?

– В зауралье.

– А-а. Не знаю тех мест. Мимо проезжаю. Мне значитель-

но дальше. Новосибирск. Не бывали?

– Нет, не приходилось. Красивый город?

– Кому как. А для меня лучше нет. Родился там. Детство и юность прошли. Да что там прошли! Пролетели, как миг.

Он сел возле раскрытого чемодана и ностальгически вздохнул.

– Да-а... Юность... В семнадцать лет покинул родные стены и бываю там все реже. С тех пор как похоронил мать, пять лет не был.

Он снял очки, задумчиво протер их платком, снова вздохнул:

– Решил навестить могилу родителей. У них день свадьбы как раз в Новый год. Нынче пятьдесят лет стукнет. Золотая свадьба. Да-а...

Балашов сочувственно кивнул.

– Они там, – вскинув глаза, продолжил Олег, – наверное, вместе. Как думаете?

– Все может быть, – пожал плечами Балашов. – Я законченный атеист, но временами верю в загробную жизнь и прочие чудеса.

– То есть, хотите сказать, были факты?

– Ну как сказать? Факты не факты, а странности были.

– Например?

– Хм. Сразу чувствуется профессиональная хватка. Я уже готов все тайны на блюдечке выложить.

– Ха-ха-ха, – весело рассмеялся Олег. – Не преувеличи-

вайте мои возможности. Такое часто бывает именно в поезде. Не замечали? Открываешься соседу по купе с такой неудержимостью, словно только и ждал этого момента.

– Я знаю причину.

– Да?

– Мы с вами вряд ли встретимся еще. И тайны наши, никому не нужные, улетят в эту круговерть, – сказал Балашов, кивнув на окно, за которым разыгралась метель.

– Вы правы. Человеку порой остро не хватает исповеди. Идти с нею в церковь не каждому под силу, а под мерный стук колес, да еще в таком уюте, язык сам собой развязывается.

– Сам не сам, а под коньяк точно развяжется, – улыбнулся Балашов, извлекая из недр объемного чемодана бутылку «Наполеона».

– Как говорится, у них с собой было, – потирая руки, сострил Олег. – Ну, тогда и я свой вклад внесу. Вареная курица подойдет?

– В самый раз. Я, знаете, со сборами и поесть толком не успел.

– Вот-вот. У меня и пирожки с собой. Жена специально напекла. Говорит, нечего по ресторанам шастать. Дорого, да и отравить могут.

– Знаем, плавали.

В купе заглянула проводница.

– Чай будете?

– А как же! – бодро отозвался Олег. – Обязательно. И горячее.

– Олег, вы еще не переоделись, – заметил Балашов. – Я пока выйду, а вы тут...

– Так сказать, в походное облачусь, – весело закончил тот. Балашов вышел в коридор и встал возле окна, вглядываясь в снежную пелену. С ним творилось нечто похожее на природное явление, те же сумятица и волнение, отчего душе хотелось не то спрятаться, не то и впрямь открыться первому встречному.

* * *

На столе красовался аппетитный натюрморт из курицы, пирожков, нарезанного лимона и фруктов. Центром композиции была бутылка коньяка – из черного матового стекла в форме графина.

– Капитально собрались, – кивая на бутылку, сказал Олег.

– В смысле? – не понял Балашов, доставая из пакета влажные салфетки.

– Коньяк-то элитный.

– А-а. Это случайно. Сын презентовал. Он у меня бизнесом занимается, часто в разъездах. Есть возможность в дьюти-фри отовариться.

– Понятно. Ну что? По первой?

– Давайте за знакомство.

Они выпили. Не торопясь, смакуя изысканный букет французского напитка.

– Я не знаток таких вещей, – надкусив дольку лимона, сообщил Балашов. – В молодости предпочитал водку. Теперь на вино перешел. И даже, представьте, сделал открытие.

– Какое? Ин вино веритас? – пошутил Олег.

– Вот именно. Водка, она что? Сразу отключает разум или искажает его, трансформируя человека в животное.

– И это в лучшем случае, – поддакнул Олег. – Иные трансформируются в таких монстров, что никакое животное рядом не стояло.

– Так и есть. А вино, хорошее, выдержанное, возвышает душу.

– Ну не знаю, – усмехнулся Олег, качая головой.

– Я ведь о собственных ощущениях, – уточнил Балашов. – За все человечество не берусь судить.

– Тогда прошу прощения, если обидел.

– Не извиняйтесь. Ведь вы искренне усомнились.

– А вы психолог не меньше меня. Хотя по профессии, скорее всего, служивый человек. Офицер?

– В точку. От вас, смотрю, ничего не укроется.

– Здесь не надо быть академиком. Я сделал вывод из очевидного. Выправка, аккуратность, сдержанность и еще кое-что, именуемое «военной косточкой», – ваш внешний портрет.

– Военная косточка это, должно быть, педантичность?

– В том числе. И я бы добавил сюда умение разбираться в людях и подчинять их своей воле.

– Ого! Много же я о себе узнал, – наполняя стаканы, рас­смеялся Балашов.

– Не скромничайте. Все вы прекрасно знаете и понимаете. Ведь я забыл упомянуть главное в вашем портрете.

– И что же? – поднимая стакан, поинтересовался Балашов.

– Глубокий ум. Он сквозит и во взгляде, и в вашей речи...

– Слава богу, что вы заметили это. А то образ Скалозуба мне мало импонирует.

– Тем не менее, скалозубов у нас хватает.

– Ну что, за умных профессионалов? – предложил тост Балашов.

– За них.

Они с удовольствием принялись за вареную курицу, на ка­кое-то время забыв о коньяке и разговорах.

– Хороша! – похвалил Олег, прикончив ножку и крылыш­ко. – Юля какие-то специи добавляет, когда варит. И вкус, и аромат... Просто волшебные.

– Это верно, – вытирая руки салфеткой, согласился Бала­шов. – Передайте супруге мою благодарность.

– Передам.

Глаза Олега затуманились, на губах застыла по-детски беззащитная улыбка.

– Мы ведь с ней еще студентами поженились, – вдруг за­говорил он после паузы. – Сначала в общаге ютились, потом

комнату получили...

Балашов слушал, откинувшись на спинку дивана. Чтобы перебороть желание закурить, он медленно потягивал остывший чай с лимоном.

– Она у меня настоящая красавица, – не без гордости заявил Олег.

– А фото есть с собой?

– Есть, – оживился попутчик и полез в карман дубленки. – Вот, посмотрите.

Вынув фотографию из бумажника, Олег протянул ее Балашову. Тот

с интересом смотрел на милое лицо незнакомки, отмечая неправильность черт и немолодой возраст. Было в нем что-то неуловимо женственное и по-своему привлекательное, оттого, наверное, возвращая снимок, он совершенно искренне заметил:

– Очень милая женщина.

– Как точно вы сказали, – благодарно подхватил Олег. – Милая. Она, конечно, не королева красоты в общепринятом смысле. Но... Понимаете...

Голос его дрогнул. Судорожно сглотнув, он замолчал, очевидно, чтобы успокоиться, а затем продолжил:

– У нее была онкология. Пять лет назад сделали операцию. Сказали, что дают гарантию на пять лет, а потом...

И вновь волнение не позволило ему говорить.

Мужчины молчали, и лишь однообразный стук колес ца-

рил в замкнутом пространстве купе, успокаивая и баюкая пассажиров.

– Пять лет гарантии. Откуда эта цифра? – внезапно заговорил Олег.

– Это усредненная цифра, – твердо произнес Балашов. – Но существует конкретный человек с индивидуальными характеристиками организма. Я знаю людей, которые после операции прожили до глубокой старости.

– Вот и она верит... А я...

Он безнадежно махнул рукой и отвернулся к окну.

Балашов потянулся к бутылке, плеснул в стаканы по пятьдесят граммов.

– Давайте выпьем, – предложил он. – За Юлию.

Олег молча взял стакан и залпом осушил его.

– Сейчас бы закурить, – морщась, пожаловался он.

– Я тем же страдаю.

– Ладно, потерпим, – как бы приказав самому себе, сказал Олег и взял со стола яблоко.

– Вы счастливый человек, – неожиданно сказал Балашов.

– Вот те на! – изумился Олег, забыв надкусить яблоко, которое держал возле рта.

– Да-да, и не спорьте. Вы любите свою жену. И она вас, судя по всему. У вас это взаимно. Такое редко бывает. А вот мне не повезло...

Олег пристально смотрел на попутчика, удивляясь перемене, произошедшей с его лицом. Невозмутимо-спокойное,

оно вдруг обрело черты горькой безысходности.

– Страшно признаваться в этом в пятьдесят лет, когда молодость позади, – продолжал Балашов, опустив глаза. – Но это данность, и от нее никуда не денешься. Не было в моей семейной жизни такого трепета, как у вас. Таких близких отношений.

Он посмотрел в глаза соседу, и тот внутренне содрогнулся от метнувшейся на него тоски, застарелой, незалеченной.

– Ирины уже нет. Умерла от сердечного приступа год назад.

Мы тоже молодыми поженились. Я курсант, она студентка первого меда. Вначале ее капризы и эгоизм казались забавной игрой. Но шли годы, а она не менялась. А если и менялась, то в худшую сторону.

– Вы любили ее?

– Теперь не знаю. Скорей всего, была молодая страсть. Она хорошенькая была. Природная блондинка, с фиалковыми глазами.

– Редкая красота.

– Да, редкая, – равнодушно подтвердил Балашов. – Такая же редкая, как и ее большое самолюбие. Она выросла в семье профессора и оперной певицы. У них были слуги. Ирина берегла руки для игры на фортепьяно. Но когда мы оказались в гарнизоне, где воду брали из единственного колодца, а печь растапливали соломой... Короче, большую часть домашней работы делал я. Она не работала, а по до-

му лишь кое-как готовила обед. Когда родился сын, то и готовить пришлось мне. Нет, я не хочу все свести к пошлым упрекам... Хотя, сами понимаете, после двенадцати часов работы в экстремальных условиях как-то по-особому хочется домашнего уюта и женской заботы. И все же не в этом дело. Мы все больше отдалялись друг от друга. Она плакала, упрекала меня во всех ужасах быта, в том, что она губит себя в этой глуши, а я не могу потребовать у начальства лучших условий. Мы перестали разговаривать. А потом и... Одним словом, и в сексе мне было отказано.

Балашов нервно разорвал салфетку, сложенную вчетверо, посмотрел в синеву надвигающихся сумерек, и продолжил:

– После моего повышения жизнь потихоньку наладилась. Так мне казалось первое время. Ирина работала по специальности, по вечерам играла в полковом оркестре, в офицерском клубе. В гарнизоне были бытовые удобства, а в городе – магазины, развлечения. Она красиво одевалась, была самой элегантной среди женщин. Однажды я вернулся из командировки и застал Ирину с командиром полка...

Олег, плотно сжав губы, смотрел на Балашова и даже не пытался примерить на себя его судьбу. Не приведи господь, как говорится.

– Вы простили ее? – как бы утверждая, спросил он.

– Не то чтобы простил. Предательство нельзя простить. Смирился. У меня не было другого выхода. Она плакала, клялась, опять же обвиняла меня... Ради сына я старался

не накалять страсти и не устраивать сцен.

– Неужели вы терпели все тридцать лет?

– Мне казалось, что в этом есть и моя вина. Она сумела внушить мне. К тому же, за время командировок мы успевали соскучиться. А в последние годы она словно что-то поняла. Стала интересоваться моими делами, претензии свела к минимуму и даже проявляла нечто похожее на ласку. Но мне уже было все равно. Все! Хватит о ней. Тем более что я еду к другой.

Он вынул из-под подушки конверт, достал из него фотографию, протянул Олегу.

– Вот девушка из моей юности. Моя первая любовь. Марина Коновалова.

Олег внимательно изучал портрет большеглазой шатенки со вздернутым носиком. В ее взгляде угадывался упрямый характер, а в опущенных уголках маленького рта – вечное недовольство.

– Симпатичная, – коротко охарактеризовал он первую любовь Балашова. – Но годы наверняка изменили ее.

– Разумеется, я это понимаю. Но не внешность главное. Я по горло сыт красотой и блеском. Мне другое надо от женщины.

– Она не замужем?

– В том-то и дело, что замужем. Но муж пьет, скандалит. Довел ее до мыслей о самоубийстве.

– Кошмар!

– Она написала мне. Представляете, нашла адрес каким-то образом. Через столько лет!

– А почему вы...

– Хотите спросить, почему женился на другой? Тут все просто. Марина по дурасти выскочила замуж. Я учился на втором курсе, а Виктор пришел из армии, ну и... закрутился бурный роман. Витёк крутой чувак был по тем временам. Мотоцикл, отцовские деньги... Короче, вскружил девочке голову. О свадьбе я узнал от матери.

Год переживал, а потом встретил Иру...

Погасив сочувствующую улыбку, Олег исподлобья наблюдал за своим собеседником и думал о том, что люди мало меняются. Особенно идеалисты, склонные обвинять свои и оправдывать чужие пороки.

* * *

Балашов стоял на заснеженном перроне, словно витязь на распутье. Душа рвалась немедленно встретиться с Мариной, но умом он понимал, что так дела не делаются. Романтический порыв, толкнувший его купить билет и сесть на поезд, не то чтобы иссяк, а как бы приостановился, уступив дорогу трезвым мыслям.

Он по-прежнему желал увидеть любимое когда-то лицо и заглянуть в огромные глаза цвета гречишного меда. Но рассудок напоминал о правилах, которым порядочный

человек обязан подчиняться.

Марина – замужняя женщина. В поселке все знают ее семью. И вдруг среди бела дня к ней явится чужой мужчина, пусть даже бывший земляк и одноклассник. И что он скажет ее мужу, который наверняка дома?

Нет, это исключено. Они встретятся, но на нейтральной территории. А сейчас нужно где-то остановиться, отдохнуть с дороги, привести себя и свои мысли в порядок.

Небольшое здание вокзала, построенное лет двадцать назад, было незнакомым, чужим. И только перрон, на котором он прощался с Мариной, уезжая навсегда из родного поселка, хранил его следы.

Войдя в зал ожидания в облаке морозного воздуха, Балашов осмотрелся. На фанерных диванах сидели две старушки и несколько молодых людей, хохочущих над анекдотами или просто от полноты жизни, а потому не обративших внимания на незнакомца.

В окошке кассы горел свет, и Балашов направился туда.

– С наступающим вас, девушка! – сказал он, склоняясь над динамиком.

– Спасибо. Вам куда? – деловито отозвалась кассирша.

– Я уже приехал. Но мне негде остановиться. Подскажите, пожалуйста, в поселке есть гостиница?

– Есть. В самом центре... Ой, только ничего не получится. Хозяйка-то, Галя, уехала. Еще вчера. На Новый год, к сыну. Так что...

– Жаль, – огорчился Балашов и задумался.

– Даже не знаю, что вам посоветовать, – сочувствующе вздохнула девушка.

– Молодой человек! – раздался сзади старческий голос.

Балашов на всякий случай оглянулся, хотя и сомневался, что обращаются к нему.

– Вам на постоя надо? – спросила одна из старушек, отодвигая край шали, чтобы лучше слышать.

– Да.

– Дак у нас тут пенсианат, как его правильно-то назвать, имеется. Рит, ты чего, забыла что ль?

– Ой, правда что! – встрепенулась кассирша. – Пансионат есть. Частный. Это бывшая дача. Знаете, за поселком, ну, где Синий бор, дачи стоят. Вот там его и открыли. Хозяева приличные люди. Правда, дерут... Ой, извините, берут дорого. Но есть за что. Отдельные комнаты, обеды и все такое...

– Отлично. А как туда добраться?

– А на такси. Вон там, на площади, – кивнула в сторону окна девушка.

– Огромное вам спасибо. Погодите...

Расстегнув аккуратный кейс, Балашов достал плитку шоколада и вручил ее кассирше.

– Еще раз с Новым годом! Счастья вам и процветания.

Оставив онемевшую от неожиданного подарка и внимания девушку, Балашов поспешил к такси.

Таксист, курносый парень с румянцем и белозубой улыб-

кой, бережно вел свою подержанную иномарку по разбитой дороге.

– Ититтвою налево, – весело ругался он, объезжая очередную рытвину, – вот как тут ездить прикажете? Яма на яме, как после бомбежки. Хотел поменять свою «ласточку» на новую, да, думаю, погодить надо, пусть сперва начальство дорогу отстроит, хотя бы от вокзала до поселка. А то народ всякий раз администрацию поминает, когда по этой уё... извиняюсь, даже едет. И ничего. Им даже не икается. Черти полосатые!

– А кто у вас глава?

– Администрации-то? Нелюбин. Виктор Иванович. Не знаете такого? Он тут всю жизнь, с рождения...

– Нелюбин?!

Хорошо что водитель был занят дорогой и не смотрел на пассажира. Шокированный новостью, Балашов надолго замолчал и даже не заметил, как очутился у ворот пансионата.

– А вот и ваша «Мечта».

– Что?

– Пансионат так называется. «Мечта», – пояснил таксист. – С вас двести рублей.

– Больно дешево. За амортизацию не берете? – пошутил Балашов. – С такими дорогами только на запчастях прогорите.

– Мы люди скромные.

– Вот вам за скромность, – подавая парню триста рублей, сказал Балашов. – И с Наступающим!

– Спасибо, – обрадовался таксист и протянул визитку. – Если что, вот мой телефон. Звоните в любое время суток.

Такси уехало, а Балашов не торопился нажимать кнопку звонка. Поставив чемодан прямо в снег, он с волнением обводил взглядом окрестности дачного поселка.

Эти дачи в пору его детства только начинали возводить. С мальчишками он бегал сюда, чтобы поглазеть на стройку, а то и заработать на конфеты, если прораб просил купить хлеб и консервы в поселковом гастрономе.

За сорок лет деревянные дома потемнели, а на постройках из красного кирпича проступили «высолы», не смываемые ни временем, ни дождями.

И только Синий бор оставался прежним. Мачтовые сосны гордо взмывали в высоту зимнего неба, слегка покачиваясь на ветру кудрявыми кронами и как бы укоряя людей за опасную близость к их исконным владениям.

С комком в горле смотрел Балашов на теплые оранжевые стволы и благодарил судьбу за то, что лес его детства остался в целостности и сохранности.

Калитка открылась, и в проеме показался мужчина с метлой наперевес.

– Добрый день! – поздоровался он и вопросительно уставился на приезжего.

– Добрый день! Вы, наверное, хозяин этой дачи?

– Ну да. Нынче это пансионат. А вы...

– А я как раз к вам. Пустите на три дня?

– Можем и на неделю, если хотите.

– Это как получится.

– Тогда проходите.

Хозяин посторонился, пропуская гостя, закрыл калитку и пошел следом по выметенной дорожке.

– У нас в принципе все комнаты забронированы, осталась одна. Зато самая лучшая. Люкс.

– Ну и отлично.

– А вы издалека?

– Из Москвы.

– Мда. Высокий гость. И как вас, простите, занесло в нашу глушь?

– В этой глуши я родился.

– А-а. Понимаю. Ну, проходите в дом.

Балашов открыл массивную дверь, перешагнул порог и очутился в просторном холле с лестницей на второй этаж.

В глубине была зона отдыха с камином, мягкой мебелью и украшенной к празднику елкой. Справа, возле французского окна, стоял овальный обеденный стол, окруженный дюжиной нарядных стульев. Слева, за небольшой деревянной балюстрадой поместился письменный стол с ноутбуком и амбарной книгой.

– Таня, ты где? – зычно крикнул хозяин, войдя в дом следом за Балашовым.

– Здесь! – раздалось откуда-то сверху. – Иду!

Вскоре на лестнице появилась женщина лет тридцати восьми, среднего роста, с пышными формами, в джинсах и клетчатой рубашке-ковбойке. Несмотря на вес, она легко сбежала по ступенькам и приблизилась к Балашову.

– Здравствуйте, – первой поздоровалась она. – Вы к нам?

– Да. Дня на три. А там видно будет.

– Пожалуйста. Очень рады, – улыбнулась миловидная хозяйка и прошла за перегородку.

– Юра, помоги гостю снять верхнюю одежду, – попросила она мужа, усаживаясь за компьютер.

– Ничего, я сам, – засуетился Балашов, расстегивая куртку.

– Садитесь на этот стул, – сказал Юрий. – А куртку я пока здесь повешу.

– Мы берем дорого, – сразу же предупредила хозяйка, – но это за всё: завтраки, обеды, ужины, постель. У нас, как говорится, все включено. А за новогоднюю ночь плата отдельная. Что скажете?

– Мне остается согласиться на ваши условия, – улыбнулся Балашов.

Оформление нового постояльца заняло не больше четверти часа, после чего Татьяна проводила его наверх, в номер—люкс.

Она распахнула дверь и впустила жильца в довольно большую комнату, обставленную старой, но добротной и хоро-

шо сохранившейся мебелью. На полу лежал пушистый ковер, заглушающий шаги. Большое окно, такое же, как внизу, служило одновременно входом на балкон. На стенах висели этюды, выполненные маслом. Заметив, что постоялец заинтересовался живописью, Татьяна не без гордости сообщила, что это работы ее сына.

– Чувствуется талант, – похвалил Балашов.

– Вы знаете, и преподаватели того же мнения. Он у нас на первом курсе художественного училища.

– Молодец.

– Да-а, – согласилась хозяйка.

Балашову послышались в ее голосе грустные нотки. «Молодец, да, наверное, не во всем», – догадался он, а вслух сказал:

– Спасибо огромное. Надеюсь, в такой обстановке я хорошо отдохну.

– Обед в два часа. Не опаздывайте, – предупредила женщина, закрывая за собой дверь.

* * *

Когда Балашов спустился вниз, Татьяна оформляла нового постояльца. Это был высокий, модно одетый брюнет с прической в стиле «фейд». Он бросил на Балашова оценивающий взгляд, кивнул и задал хозяйке вопрос:

– Связь здесь нормальная?

– Ну да. Не жалуемся.

– Угу. А народу вокруг много? Я, знаете ли, отдохнуть решил, так что...

– Не беспокойтесь. Кроме наших постояльцев, никого не будет. А летом другое дело. Соседи понаедут, и начнутся горячие деньки. Озеро, пляж, рыбалка... Приезжайте – не пожалеете. Кстати, познакомьтесь. Это ваш сосед.

Окинув Балашова цепким взглядом смысленных глаз, брюнет протянул руку.

– Артур.

– Сергей Владимирович, – ответил Балашов, сжимая холодную и влажную ладонь мужчины.

– Через пять минут прошу за стол, – объявила хозяйка и скрылась за дверью, прятаясь в глубокой нише. Оттуда пахло ароматом приготовленной пищи.

– Надо переодеться, – сказал Артур и, подхватив кожаную дорожную сумку, поспешил наверх.

Обед состоял из трех блюд, не считая закусок. Артур сидел напротив Балашова, ловко орудовал ножом и вилкой, расправляясь с отбивной, и рассказывал о поездке во Францию.

– Вам знакомо творчество Ван Гога или, скажем, Писсаро? Это французские постимпрессионисты. Их пейзажи – лучшая реклама тех мест. Раньше я особо не задумывался. Ну, знаменитые. Ну, шедевры. Наш Левитан или Шишкин не хуже. А приехал на юг Франции, в Арле, я вдруг понял...

Да нет! Меня реально вставило. Я буквально балдел от всех этих мостов, мельниц... Знаете, этот народ не просто прижимистый, он трепетно хранит свою старину и вообще все, что связано с культурой. Мне показывали здания, которые изобразил Ван Гог... Прикиньте, сто тридцать лет назад! Вот скажите, что нам мешает так же бережно относиться к культурным памятникам?

– Наверное, низкий уровень культуры.

– Общее место, – поморщился Артур. – Нужны конкретные шаги. Надо ломать систему...

Дверь открылась, пропуская молодую пару.

– Здравствуйте, – поздоровался парень, глядя на Балашова.

– Добрый день, – отозвался тот, невольно заметив, как насторожился Артур.

– Вы хозяева пансионата? – спросила девушка, взмахнув длинными ресницами.

– Нет, мы гости, – улыбнулся Балашов, любуясь грацией и свежестью юной прелестницы.

– А-а, вот и молодожены приехали! – воскликнула Татьяна, появившись на галерее второго этажа. – Иду, иду! Настя и Алексей, кажется?

– Это мы, – улыбнулась Настя, став при этом еще краше.

– А я вам комнату приготовила, – по-матерински заботливо сообщила Татьяна, проходя за свою «конторку». – Да вы поставьте вещи-то. И присаживайтесь. Сейчас оформимся и я вас покормлю. Небось, голодные?

– Есть немного, – усмехнулся Алексей.

Молодожены снимали пуховики, доставали документы, усаживались поближе к хозяйке, а Балашов с Артуром тем временем, закончив обед, поднимались в свои комнаты.

– Да-а, – философствовал Артур, оглядываясь на юную пару, – племя молодое, незнакомое... И чего ради в эту Тму-таракань приперлись?

– Наверное, на Францию еще не заработали, – предположил Балашов.

Слегка уязвленный Артур хмыкнул и недовольно покопился на соседа.

– Кстати, о Франции. Насколько я знаю, к постимпрессионистам относится только Ван Гог. Писсаро был в авангарде импрессионизма, – заметил Балашов, входя в свою комнату.

Наморщив лоб, Артур смотрел на закрытую дверь соседа, пока внизу не раздался бодрый голос Татьяны:

– Вот и все. А теперь пошли наверх. Переоденетесь, а я пока стол накрою. На первое у меня борщ с пампушками. Любите борщ?

– Мы все любим, – весело ответил Алексей. – А что такое пампушки?

– Это небольшие булочки. Я сама пеку.

– Ой, у меня уже слюнки текут, – пожаловалась Настя. – Ужас, как проголодалась.

Артур не стал дожидаться, когда поднимутся новоселы, скрылся в своей комнате.

А в холл вошли двое – Юрий и молодая женщина в беличьей шубке.

– Проходите смелее, не бойтесь. Тут все свои, – сострил хозяин, слегка подталкивая новую гостью к «ресепшн».

– А я первая? – робко спросила женщина, озираясь по сторонам.

– Нет, почему же? Народ подтягивается. Вы шубку-то снимите. У нас тут жарко. Давайте я помогу.

– Ой, что вы! Я сама.

Она поставила чемодан и неловко стянула с себя шубу, да так и осталась с ней в обнимку, пока не вернулась Татьяна.

– О! Вы Зоя! – сходу угадала хозяйка.

– Да. Откуда вы знаете?

– Не так уж много у меня постояльцев. Добрый день. Садитесь, я оформлю вас. Юра, не стой, как столб. Помогите даме.

– Ой, ну что вы, какая я дама? – смутилась Зоя и почти выхватила из рук Юрия плетеный стул. – Спасибо, я сама могу.

– Ну, сама так сама, – пожал плечами Юрий и переглянулся с женой.

– Ты иди во двор, – скомандовала Татьяна, – принеси дров для камина.

– Их уже девать некуда, – огрызнулся он, но, увидев выразительный взгляд жены, сменил тон: – Ладно, пойду. Мне возле сарая надо подмести.

Он вышел, и Татьяна заметила, как облегченно вздохнула Зоя.

– Вы у нас на неделю, кажется? – спросила хозяйка, глядя в компьютер.

– Да.

– Угу. Так. Вижу. Вепрева Зоя Борисовна. Ваш паспорт, пожалуйста. Угу. Занесем ваши данные...

Она скользила пальцами по клавиатуре, заглядывая в документ. Зоя напряженно следила за манипуляциями хозяйки пансионата. На ее бледном лице горел нервный румянец. Приглушенные звуки на втором этаже вызывали в ней неосознанное беспокойство. Она всякий раз оглядывалась, услышав то смех Насти, то кашель Артура.

– Скажите, а замки у вас надежные? – спросила она, сжимая податливый мех шубки.

– Замки? Какие замки? – оторвалась от экрана хозяйка.

– Ну, эти... На дверях.

– На дверях? Ну разумеется, – пожала плечами Татьяна и окинула гостью внимательным взглядом. – А вы чего-то опасаетесь?

– Нет, почему? Но все-таки... Как-то, знаете, в незнакомом месте...

– По-моему, вам нечего бояться. У нас надежные замки, кроме того, дом находится под охраной.

– А-а, тогда конечно...

– Вы проходите в свою комнату. Она наверху, слева

от лестницы. Оставьте вещи и сразу возвращайтесь, я приготовила обед. Скучать не придется. Сейчас спустятся молодожены и...

– А можно мне в комнате перекусить?

– В комнате? Но... Я не знаю. Если вам так удобнее...

– Да, мне удобнее в комнате.

– Ну, хорошо. Я принесу в комнату.

Татьяна проводила новенькую задумчивым взглядом и пошла на кухню.

* * *

Актриса провинциального театра Воронцова, худощавая женщина, перешагнувшая сорокапятилетний рубеж, зябко поеживаясь и поочередно поджимая ноги, нетерпеливо всматривалась в темноту дороги. Оттуда, ей сказали, должно появиться такси.

А если оно не появится? Что тогда? Надо ведь что-то предпринимать. Можно, конечно, переждать на вокзале. Но ситуация обретает какую-то анекдотичность, черт возьми! Человек, задумавший проститься с земной жизнью, ждет своей участи в зале ожидания. Смех! Сюжет для водевиля.

Боже, как холодно! Ноги почти ничего не чувствуют. Хм! Еще один повод посмеяться. Оказывается, она не просто ждет такси, а репетирует предстоящий финал. Ведь именно этот способ она выбрала для своего ухода. Но зачем услож-

нять? Зачем портить людям праздник? Когда можно просто сесть в сугроб, забыться и уснуть.

Воронцова пересекла площадь и шагнула в снежный отвал, образованный снегоуборочной машиной. Вопреки ожиданиям снег оказался твердым и комковатым. И как в него садиться? Верхом? Как царь горы?

Передернув плечами, она повернулась и медленно пошла на одеревеневших ногах, с тоской посматривая на дорогу.

Вдалеке сверкнули огоньки фар.

Слава богу, вдохнула Воронцова, и побежала навстречу огням.

– Вам куда? – спросил курносый парень, открыв дверцу.

– В-в «М-мечту», – дрожа всем телом и заикаясь, выговорила актриса.

– Садитесь.

Она нырнула в тепло иномарки и замерла, удивляясь, как мало надо человеку для счастья.

– Уже третий раз в «Мечту» еду, – жизнерадостно сообщил водитель, скосив глаза на молчаливую соседку.

– Да? – безразлично отозвалась та.

– Ага. У них, видимо, заезд сегодня. Придумали же – из дачи пансионат сделать. А чо, молодцы! Чем зря такие хоромы топить, лучше с пользой – и для себя, и для людей. Правильно я говорю?

– Угу.

– А вы надолго туда?

– Не очень.

– Я бы тоже отдохнул. На лыжах или на сноуборде погонял... Но... Работать надо. Семью кормить.

– У вас семья?

– А как же. Сын и дочка.

– Вроде молодой еще.

– Ха-ха-ха! – рассмеялся парень. – Это дело не хитрое. Из армии пришел и готово. Невеста честно ждала, письма писала. А мне чего, в кусты?

– А любовь?

– Ну и любовь, конечно. Как без нее?

Он помолчал, видимо, тронутый деликатной темой, но открытый и доброжелательный нрав искал выхода эмоциям.

– Мы ведь с ней еще с пятого класса замутили. В основном, конечно, я старался. Подножки ставил на переменах, за косы дергал, придурок. У нее косы были... Высший класс! А как родила – обстригла. Некогда, говорит, с гривой возиться.

Парень покачал головой и прицокнул языком, выражая тем самым

восторг и сожаление одновременно.

Воронцова посмотрела на его курносый профиль с пшеничным чубом, и в груди защемило от воспоминаний.

И у нее был ухажер, где-то в шестом классе. Кешка Рудников. Кудрявый мальчишка с тонкими, музыкальными пальцами и девчоночьими ресницами. За косы он не дергал, да

и не было у нее никаких кос, но подножки на переменах ставил и обзывал «вороной». А в десятом признался в любви.

Грустно усмехнувшись, она представила его лицо со страдальчески сдвинутыми бровями и опущенными пушистыми ресницами. Бледный, несчастный, сжимая тонкие пальцы и дрожа всем телом, Кешка произнес две фразы: «Воронцова! То есть, Оля... Ты можешь рассчитывать на меня. Я все для тебя сделаю».

На выпускном он застал ее с Сашкой Решетниковым. Уединившись в классе, они целовались. Но, застигнутые Кешкой, нимало не смутились и даже расхохотались над его совершенно обалдевшим видом.

Тяжело вздохнув, Воронцова трянула головой, чтобы исчезли мысли о юности, и сосредоточилась на дороге.

Свет фар выхватывал из темени декабрьского вечера стволы сосен, безмолвными стражами стоящих по обе стороны заснеженного тракта.

Давно не бывавшая в лесу, актриса ощутила безотчетный страх. Не приведи господи, оказаться одной в этой чаще. Только бы не сломалась старенькая «Тойота», везущая их неведомо куда, сквозь непроглядные дебри векового сосняка.

И вновь она одернула себя. Для чего трястись от страха перед смертью, если в планах предусмотрена встреча именно с ней, безглазой каргой в черном капюшоне. Но тут уж ничего не поделаешь – первобытный страх, заложенный при-

родой, неискореним и за редким исключением не поддается управлению.

– Приехали, – сообщил водитель, когда они остановились у освещенных ворот какого-то особняка. – С вас двести пятьдесят рублей.

– Двести пятьдесят? – рассеянно переспросила актриса, разглядывая высокое здание пансионата.

– Ну да. Обычно беру двести. Но в темное время, сами понимаете...

– Нет-нет, не беспокойтесь. Я заплачу.

Она порылась в сумочке и протянула ему триста рублей.

– Сдачи не надо, – торопливо предупредила она.

– На амортизацию пойдет, – рассмеялся парень. – Утром привез отдыхающего, по выправке военный, я таких сходу определяю, так он тоже триста заплатил. Говорит, на наших дорогах на одном ремонте можно прогореть.

– Спасибо вам, – сказала Воронцова, выходя из авто. – С Наступающим.

– И вас так же! Все у вас сбудется, вот увидите.

– Почему? – машинально спросила она.

– В «Мечту» приехали. Ни куда-нибудь.

* * *

Татьяна украдкой разглядывала «новенькую».

Худое лицо немолодой аристократки, с высокими скула-

ми и точеным носиком, выражало ту степень отрешенности, когда человек либо очень устал, либо перенес тяжелое горе. При этом макияж был выполнен профессионально, местами с небольшими излишками, но в целом не портил, а только подчеркивал правильность черт и наличие вкуса.

Элегантное пальто с чернобуркой, изящные сапожки на гвоздиках и сумка из дорогой кожи, благоухающая модными духами, наводили на мысль, что бегать по магазинам с авоськами и стоять у плиты, чтобы накормить семью, этой женщине не приходится.

– Ольга Васильевна, вы у нас только до первого января? – поинтересовалась Татьяна, отметив, что других вещей у элегантной дамы, кроме небольшой дорожной сумки и изысканного клатча, не было.

– Да, – коротко ответила Воронцова, не глядя на хозяйку. – А номер, как и обещали, с балконом?

– Да, конечно. Правда, в такой мороз вряд ли захочется проводить время на балконе, но...

– Я привыкла к зарядке на свежем воздухе, – сухо пояснила гостя.

– А-а, тогда понятно. Пойдемте, я провожу вас в вашу комнату.

– Спасибо.

– Через час у нас ужин. Я накрою здесь.

– Хорошо, – меланхолично отозвалась гостя и посмотрела наверх.

Ей показалось, что за балюстрадой галереи мелькнуло испуганное лицо молодой женщины. Испуг исказил ее черты, превратив лицо в трагическую маску.

Воронцова пожала плечами и пошла следом за Татьяной, стараясь больше не смотреть по сторонам и не впитывать в себя обстановку чужого дома.

Зачем ей эти детали? Эта посторонняя жизнь с ее страхами и проблемами. У нее свой путь и своя цель, ради которой она приехала сюда, в затерянную среди снегов и сосновых лесов глубинку, не обозначенную ни на одной карте мира.

– Располагайтесь удобнее, – мелодичным голосом говорила Татьяна,

плавно обводя рукой небольшую уютную комнату, оформленную в пастельных тонах. – А в восемь часов ждем вас на ужин.

– Спасибо.

Татьяна вошла в холл, но вдруг всплеснула руками и вернулась обратно. Постучав в дверь к Воронцовой, она заглянула в комнату и увидела сценку, которая потом не давала ей покоя, наводя на размышления о людских странностях.

На кровати, в пальто и шапке, с сумкой в руке лежала Воронцова и смотрела в потолок. Ее безжизненное лицо не отражало ни одной эмоции.

Татьяна кашлянула и искусственно бодрым тоном извинилась.

– Извините, ради бога! Памяти совсем нет...

Странная постоялица поднялась и, ничуть не смутившись, спросила:

– Что вы хотели?

– Я забыла спросить, что вы предпочитаете на ужин? Диетическое или от мяса не откажетесь?

– Мне все равно.

– Ну, тогда, как и всем. Тефтели под белым соусом.

Татьяна закрыла за собой дверь и задумчиво потерла переносицу.

Надо рассказать мужу, решила она, отправляясь на кухню.

Ровно в восемь часов спустились молодожены. Они ворковали между собой, не замечая тщательно выполненного убранства стола – главной гордости хозяйки, вложившей в эту красоту все силы и талант. Вскоре появился Балашов, а за ним и Артур.

– Добрый вечер, господа! – непринужденно воскликнул Артур, отодвигая стул. – Меня зовут Артур. А вас, юная леди?

– Настя, – смутилась девушка и переглянулась с мужем.

– Алексей, – исподлобья посмотрев на Артура, представился он.

– А я Сергей Владимирович, – улыбнувшись молодой паре, сказал Балашов.

– Очень приятно, – нежным голосом ответила Настя и покраснела.

– Неужели в наше время такое возможно? – обращаясь

к Балашову, театрально удивился Артур.

– Вы о чем? – не понял тот.

– Разве молодые девушки не разучились краснеть?

– Как видите, – серьезно ответил Балашов и, заметив вздущиеся желваки на лице Алексея, добавил: – Надеюсь, что и молодые люди не разучились отстаивать честь своих дам.

– К сожалению, рыцарский век остался в прошлом, – вздохнул Артур, не сводя глаз с Насти. – Молодежь выбирает пиво, непечатный сленг и унисекс, причем девушки не отстают от парней по крутизне разборок.

– А зачем обобщать? – не выдержал Алексей. – Вы похожи на бабушек у подъезда, ругающих молодежь за мини-юбки. Сами-то, небось, пивко уважаете?

– Алеш! – цыкнула на него Настя, дернув за рукав.

– Вы мне нравитесь, – усмехнулся Артур.

– А вы мне нет, – отрезал Алексей.

– У-у, – насмешливо протянул Артур.

Их рокировку остановил приход Зои.

– Добрый вечер, – смущенно поздоровалась она и села на краешек стула.

– Здравствуйте, – ответил Балашов и отвернулся, чтобы не смущать женщину еще больше.

Артур кивнул, скользнув равнодушным взглядом по ее бледному лицу без намека на пудру и тушь, и вновь устался на Настю.

– А вот и горячее! – радостно объявила Татьяна, подходя к столу с фарфоровой супницей. – Обещанные тефтели в белом соусе.

– Божественный аромат, – втянув в себя воздух, похвалил Артур.

– И такой же вкус, – поддакнула Татьяна, накладывая в тарелки дымящиеся тефтели.

– А вы с Юрием разве не разделите с нами трапезу? – осведомился Артур.

– Если не возражаете.

– Мы будем только рады, – ответил за всех Балашов.

– Артур, наполните, пожалуйста, бокалы. Сегодня у нас испанская «Малага», – похвастала Татьяна.

– Да вы что? – вытянул лицо Артур. – Комплимент из знойной Испании нашей сибирской глухомани? Не верю.

– Не верите в подлинность вина? – расстроилась Татьяна. – Вообще-то оно куплено в Интернете. Специально для праздника.

– Не будем заранее судить, – заступился за выбор хозяйки Балашов. – Давайте-ка я сам разолью.

Он взял бутылку и внимательно рассмотрел этикетку, затем взболтал напиток и налил немного в свой бокал.

– Обратите внимание – пена в самом центре, – опустив руку с бокалом, заметил он.

– Ой, исчезла, – прокомментировала Настя.

– Отсюда следует... – сказал Балашов и вопросительно по-

смотрел на Артура.

Тот пожал плечами, выпятив нижнюю губу.

– Что вино настоящее, – закончил фразу Алексей.

– Правильно, – подтвердил Балашов и налил вино в Настин бокал.

– Ну не знаю, – скорчил недовольную физиономию Артур. – Я предпочитаю такие вина как Токайское, Кьянти... А что такое «Малага»...

– Это любимое вино Есенина, – раздался низкий женский голос из глубины холла.

Все повернули головы и увидели стройную женщину в твидовом костюме а-ля шанель. Она прошла к столу и поздоровалась.

Артур вскочил, отодвинул стул. Она села, словно и не заметив его жеста.

– Подумаешь, Есенин, – фыркнул Артур, слегка задетый ее невниманием. – Крестьянский поэт.

– А также Достоевского, – не обращая внимания на его реплику, закончила фразу обладательница чарующего голоса.

– Хочу представить вам еще одну нашу гостью, – сказала Татьяна, довольная рекламой купленного ею вина. – Ольга Васильевна. Прошу любить и жаловать.

– Очень приятно, – высказался Алексей, покрываясь легким румянцем.

Артур перехватил ревнивый взгляд Насти, брошенный

на мужа, и криво улыбнулся.

Балашов наполнил бокал Воронцовой. Та лишь кивнула в ответ, приподняв уголки губ. Застолье с ее приходом обрело принужденный, чопорный оттенок. Все молча ели, обмениваясь случайными взглядами.

– А мне вино нравится, – с детской непосредственностью вдруг нарушила молчание Настя. – Вкусное. Правда же, Алеш?

– Угу. Классное вино.

– Ну и слава богу, – выдохнула хозяйка, все еще переживающая за свое Интернет-приобретение.

Входная дверь тяжело открылась, слегка скрипнув. Зоя, скромное присутствие которой никто не замечал, вздрогнула и уронила вилку, отчего раздался звонкий протяжный звук.

В дом вошел Юрий. Замшевые угги и пуховик на нем были в снегу. На испитом бледном лице особо выделялся покрасневший нос.

– Ну и погодка, – сказал он. – Третий раз за день подметаю. Метет и метет.

– Переодевайся и садись за стол, – с натянутой улыбкой приказала Татьяна.

– Зачем? Я и на кухне могу, – проворчал хозяин и неверным шагом

пошел в сторону кухни.

– Извините, – пробормотала Татьяна, вставая, и устремилась следом за мужем.

– Сейчас получит по полной, – ухмыльнулся Артур.

Из кухни раздался сердитый голос Татьяны. Она отчитывала мужа, но слов разобрать было невозможно. Вскоре она вернулась с бутылкой вина.

– Вот, из старых запасов, – ставя бутылку на середину стола, сказала она и постаралась стереть с лица досадливое выражение.

– О! Другое дело! – воскликнул Артур, взяв на себя роль виночерпия. – До боли родное «Каберне».

Он поднес бутылку к бокалу Насти, но Алексей накрыл его ладонью.

– Ей хватит сегодня, – строго произнес он.

– То есть как? – вспыхнула юная жена.

– Увы, – пожал плечами Артур. – Слово мужа – закон.

– А мне, пожалуйста, полный, – не глядя на Артура, попросила Воронцова.

Балашов обратил внимание, что еда на ее тарелке осталась нетронутой. «Странная дама, – подумал он. – Ведь опьянеет, как пить дать».

– Желание дамы тоже закон, – с завуалированной издевкой произнес Артур, наполняя бокал Воронцовой.

* * *

Сыграв с Артуром партию в шахматы, Балашов поднялся к себе.

Проходя мимо комнаты молодоженов, он стал невольным свидетелем их ссоры.

– По какому праву ты командуешь? – плачущим голосом вопрошала Настя.

– По праву мужа, – сдержанно отвечал Алексей.

– Мы что, при царе Горохе живем? По праву мужа, видите ли!

– Во все времена муж – глава семьи. Ты не знала?

– Надо же! Глава он. Сначала деньги научись зарабатывать, а потом командуй.

– Вот, значит, как? К деньгам все свела? А не ты ли на свадьбе у подружки вещала: «Только любовь правит миром. Ни за какие деньги не купишь любовь»? Врала, значит?

– Ничего я не врала. Просто... Просто...

Раздалось горькое рыдание, заглушаемое, очевидно, подушкой.

Покачав головой, Балашов вошел в свою комнату.

Он долго не включал свет, любуясь волшебной картиной за окном.

Там, на темно-фиолетовом фоне декабрьского вечера медленно кружились мохнатые снежинки, а за их тонкой кисей проступали стройные стволы сосен-исполинов.

Воображение унесло Балашова в далекое детство. Вот он, тринадцатилетний пацан, идет с матерью по Синему бору. Солнце, пробиваясь сквозь густые ветви, ложится причудливым узором на изумрудный мох. Его бархатный ковер делает

шаги неслышными, мягко пружинит и отдается в душе чем-то ласковым и теплым.

Мать уже набрала полную корзинку боровиков, крепких, ладных, с шоколадно-коричневыми шляпками, и зовет сына домой. А ему не хочется покидать это царство, где так хорошо и свободно душе. Он просит ее чуточку подождать, зовет к озеру, предлагает искупаться.

– Ну что ты, Сережа. Какое мне купание? Да и устала я. В другой раз сходим. А ты лучше с друзьями сбегай, зачем тебе я?

Он молчит, стесняясь сказать, что давно мечтал именно с ней побывать на Песчаном озере. Чтобы от его красоты посветлело материнское лицо, разгладились морщинки. Чтобы сошли с хрупких плеч заботы и ставшая привычной усталость.

О, сколько невысказанных при жизни признаний прошептали его губы у могилы матери! Сердце до сих пор не смирилось с ее ранним, несправедливым уходом.

«Мама! – тихо произнес Балашов. – Завтра я приду на твою могилку, и мы поговорим».

Подумав о предстоящем дне, Балашов разволновался. Завтра он увидит ту, которой целиком принадлежало его юное сердце. Ох, и помучила она его!

Красивая девочка с каштановыми волосами, лучшая в классе, да что там в классе! Во всем поселке не было другой такой колдуньи с глазами цвета меда, тоненькой и гиб-

кой, пахнувшей луговыми цветами.

«Эх, Марина, Марина! И что толкнуло тебя выйти за этого Витька? Нахрапистого недалекого „качка“ с деньгами отца-кооператора. Разве его подарки значили для тебя больше моих букетов сирени? Неужели деньги стали для тебя путеводной звездой и мерилom счастья? А как же любовь? Нет, не верю. Существует причина, о которой я не догадываюсь».

И вновь перед глазами встала сценка из прошлого.

Он с другом Петькой ловит рыбу на Песчаном. На берегу появляется Витек, за его спиной маячат двое дружков, готовых стелиться ради подачек своего властелина.

– Э! Мелочь! А ну, брысь с нашего места! – кричит Витек и сплевывает сквозь зубы.

– Никуда мы не уйдем, – отвечает он, чувствуя, как холодеет в животе.

– Мы здесь с пяти утра, – пытается разойтись «по-хорошему» Петька.

– Да хоть с прошлого года. Мне плевать. Кыш отсюда!

– Не уйдем, – упрямо отвечает Сергей.

Витек кивком приказывает вассалам применить силу. Те хватают зашиворот незадачливых рыбаков и пинками прогоняют с берега.

Всю дорогу до дома Петька размазывает по лицу слезы, а он, стиснув зубы, клянется себе, что когда-нибудь отомстит.

Но клятву так и не сдержал. Видно мало ему досталось то-

гда на берегу, он еще и невесту отдал этому мерзавцу. А сейчас, спустя много лет, вынужден признать полное свое поражение.

От выпитого вина и воспоминаний стало жарко. Балашов открыл балконную дверь и вышел на мороз. Вдохнув чистого холодного воздуха, почувствовал облегчение.

Нет, не все сказано в этой драматической истории. И пусть молодость не вернешь и ошибок не исправишь, судьбу можно повернуть в другое русло. Они с Мариной еще не старые. Зато много испытали и обрели драгоценный опыт. И если чувства еще живы...

Где-то внизу раздался не то стон, не то тяжкий вздох. «Что за чертовщина? – удивился Балашов. – Я тут со своими переживаниями потихоньку схожу с ума? Мне уже лешие мерещатся?»

Но что-то толкнуло его подойти к перилам и посмотреть вниз.

Фруктовый сад мирно спал под снежным одеялом, на которое отбрасывало желтую тень освещенное окно первого этажа.

«Кто это бодрствует в такое время?» – заинтересовался Балашов.

Нагнувшись ниже, он увидел такой же балкон, в центре которого стояло плетеное кресло-качалка. В нем кто-то сидел, откинувшись на спинку. Приглядевшись, Балашов узнал Воронцову.

«Похоже, я не один сумасшедший в этом доме. Нашлась еще одна экстремалка, – усмехнулся он. – Ладно, пойду умоюсь».

Вернувшись из ванной, Балашов переоделся в пижаму и лег в кровать с намерением почитать перед сном. Но чтение не шло.

Слишком много впечатлений было за этот длинный день.

Он долго ворочался с боку на бок, пока не оставил затею уснуть. Накинув на плечи спортивную куртку, вновь вышел на балкон.

Желтый квадрат внизу по-прежнему лежал на свежем снегу.

Перегнувшись через перила, Балашов посмотрел на нижний балкон. Его вдруг пронзило холодом. Но не от морозного воздуха, а от ужаса. Ему показалось, что женская фигура в кресле за этот час не изменила позу.

Надо было что-то делать. Накинув пуховик и переодевшись в сапоги, Балашов спустился в холл. Там стояла сонная тишина.

Решив никого не будить, он не без труда открыл сложные замки и выскочил во двор. Быстро сориентировавшись, побежал влево, по идущей вдоль дома дорожке. Калитка в сад была заперта на ключ. Пришлось подставить пластиковую бочку и с ее помощью перелезть через высокую ограду.

Утонув в сугробе почти по пояс, Балашов стал медленно продвигаться к балкону Воронцовой. Преодолев расстояние

в десять метров, он оказался возле цели. Но балкон, благодаря цокольному этажу, находился слишком высоко. Взобраться на него без лестницы не представлялось возможным.

Балашов выругался и решил обогнуть дом с другой стороны, авось там найдется какое-нибудь подручное средство. И оно нашлось. Такая же бочка под водосточной трубой. Кое-как выдернув ее из снежного плена и вернувшись обратно, Балашов сумел одолеть препятствие.

Чтобы не напугать женщину, он тихо произнес ее имя:

– Ольга Васильевна!

Выждав пару секунд, вновь позвал, но значительно громче:

– Ольга Васильевна, вы слышите меня?

Его сердце бешено колотилось, но мозг работал с привычной ясностью и хладнокровием. Подойдя к Воронцовой вплотную, Балашов склонился над ней и понял, что она крепко спит.

– Понятно, – произнес он вслух. – За ужином перебрала, решила совершить моцион и уснула. Придется будить, иначе – «кранты».

Он потрепал спящую за плечо, но ничего не добился. На лице женщины не дрогнул ни один мускул. Тревога росла в Балашове как снежный ком. Уже без всяких церемоний он подхватил ее на руки, внес в комнату и опустил на кровать. Нечаянно коснувшись ее ледяной ладони, он замер от страшной догадки. Она умирала!

Сорвав с себя пуховик, он накрыл им несчастную и ринулся к двери. Она была закрыта изнутри, а ключ, слава богу, торчал в скважине.

Спустя несколько секунд Балашов стучал в спальню хозяев.

– Кто там? – послышался испуганный голос Татьяны.

– Откройте! Нужна медицинская помощь!

Щурясь от света, Татьяна слушала сбивчивые объяснения Балашова.

– Никакая скорая к нам не поедет, – категорически заявила хозяйка. – Праздник. Далеко. И дорогу замело. Давайте сами попробуем откачать. В термосе у меня горячий чай...

– Нужен тонометр...

– Есть. Сейчас принесу.

– И возможно, понадобится сосудорасширяющая инъекция...

– Тоже есть. Мужу иногда ставлю...

– Хорошо. А пуховая шаль, одеяло или...

– Найдется. Я побежала, а вы пока к ней. Если уж совсем плохо, будем звонить в скорую.

* * *

Ей мешал свет. Ослепительный, настырный, он проникал сквозь ресницы и не давал досмотреть сон. Прекрасный, потрясающий сон!

Неужели это она, юная богиня в прозрачной тунике, шагает загорелыми ногами по белому песку, а пенистая волна ласково ударяет по ее ступням и застенчиво отступает, чтобы набрать сил и вновь ударить нежной, теплой лапой... Боже, как хорошо! Нет, пожалуй, слишком тепло. Уфф! Жарко! И этот свет! Нет, это невыносимо!

Воронцова подняла веки и непонимающе повела глазами. Где она? Что это за комната? И этот жуткий свет... Ах, вот он откуда!

Над изголовьем горело бра. И, должно быть, горело давно. От накалившегося стекла шел сильный жар, да и яркий свет лампочек добавлял дискомфорта.

Но что это? Почему она не может пошевелиться? Ее тело словно куколка, спеленатая в коконе. Что за чушь?!

– Проснулись? Как вы себя чувствуете? – раздался мужской голос.

Повернув голову вправо, она увидела сидящего на стуле Балашова.

– Что со мной?

– Вы едва не замерзли. Уснули на балконе. Как вы себя чувствуете?

Она не ответила. Высвободив руки из-под двух одеял и пухового платка, внимательно осмотрела их, затем ощутила узкими длинными пальцами щеки и лоб.

– Я ничего не отморозила? – осипшим голосом спросила актриса.

– Кажется, ничего. Мы с Татьяной провели ряд спасательных и профилактических действий.

– Хм. Прям, местное МЧС.

– Если шутите, значит, все в порядке. Я пойду к себе.

– Пойдите!

Скинув резким движением одеяла, Воронцова села и сурово посмотрела на своего спасителя.

– Зачем вы лезете, куда вас не просят?

– Оригинальный способ выразить благодарность, – усмехнулся Балашов.

– За что мне вас благодарить? За то, что продлили агонию? Вам приходилось видеть раненого зверя?

– Это аллегория?

– А вы умнее, чем я думала.

– Рад за вас. Я все-таки пойду. Не сомкнул глаз, знаете ли.

– Простите, если обидела.

Она уронила голову на грудь, опустила плечи, сцепила руки и застыла. Словно вновь окунулась в тяжелый, беспробудный сон.

Балашов, уже шагнувший к двери, остановился, с жалостью посмотрел на женщину, деликатно кашлянул.

– Ольга Васильевна, вам принести чаю?

– А?

Она подняла глаза, и его сердце дрогнуло. Боль, опустошение, усталость и что-то еще, быть может, невозможность существовать сквозили в ее взгляде.

– Лучше идите к себе. Не надо меня опекать. Не маленькая, сама справлюсь.

– Если все же что-то понадобится, обращайтесь.

– Спасибо.

Выйдя от Воронцовой, Балашов поднялся на второй этаж и столкнулся с Артуром, который возвращался из туалета.

– Не спится? – обронил сосед, пряча ухмылку.

Балашову не понравился его игривый тон. Ограничившись кивком, он скрылся за своей дверью.

«Щенок! – выругался Балашов, раздеваясь. – Наверняка подумал, что... А! Плевать! Пусть только вякнет. Церемониться не стану».

Он долго не мог уснуть – вспоминал события уходящей ночи.

Да, если бы не укол, вряд ли они с Татьяной вернули к жизни эту странную женщину. «Раненый зверь». Хм. Раненых он повидал, и немало. А зверь... Животное знает, что ему никто и ничто не поможет, оттого в глазах безысходная тоска. Пристрелить – единственный гуманный выход.

Покончить с жизнью, чтобы не испытывать боль. Именно эта цель была поставлена, а он помешал. Вторгся в чужую судьбу, взял на себя роль ее вершителя. Впрочем, так поступил бы любой здравомыслящий человек.

А она разве не здравомыслящий человек? Если да, значит, заранее все продумала. И приехала сюда неспроста.

Что толкнуло эту красивую и умную женщину на са-

мый крайний, отчаянный шаг? Неизлечимая болезнь? Чье-то предательство?

Ну и публика собралась под крышей пансионата «Мечта»! Разношерстная и по возрасту, и по менталитету. Задача у всех, на первый взгляд, одинакова – отдохнуть в праздники, обрести покой...

Но одни ищут душевный покой, другие – семейный, а третьи – вечный.

Надо бы поговорить с ней, убедить, что жизнь в любом случае лучше небытия, что рано или поздно мы придем к черте, за которой уже не будет этой звездной ночи, падающего снега...

Однако занесло вас, Сергей Владимирович. Не много ли берете на себя? И доводы у вас какие-то книжные. Разве можно с их помощью переубедить человека, который уже предпринял попытку уйти навсегда? У него-то доводы покрепче будут, посолиднее.

Ладно, хватит рассуждать о постороннем. Ему бы самому как-то определиться в этой жизни. А то болтается как цветок в проруби.

И вообще. Настроил планов на новый день, а сам ни секунды еще не спал. С какой головой он пойдет на встречу с Мариной?

Мысль о ней вновь взбудоражила, растормошила душу.

Уснул он только в шесть часов, измученный мыслями и бесчисленными попытками заснуть.

А в восемь часов началась суматоха.

Кто-то громко барабанил в дверь.

Юрий – помятый, с всклокоченными волосами, в трусах-боксерах и майке, – пошел открывать.

– Стойте! Не открывайте дверь! – закричали сверху.

Оторопевший хозяин воздел припухшие глаза и увидел насмерть перепуганную Зою.

– В чем дело? – хрипло спросил он.

С белым лицом и обезумевшими глазами, она держалась за перила и задыхалась от страха.

– Это он! Я знаю.

– Кто?

– Мой муж! Он нашел меня. Господи, что мне делать?!

Юрий неловко топтался на месте, не зная, как реагировать на подобный инцидент, а в дверь непрерывно стучали.

– Ну так я, может, открою? – неуверенно сказал он и пошел к двери.

– Нет!

Наверху раздался стук падающего тела. Вконец растерявшийся хозяин нервно позвал жену:

– Таня! Сколько можно спать? Иди на помощь!

Из спальни вышла заспанная Татьяна и, кутаясь в халат, уставилась на мужа.

– Ты чего разорался? – зашипела она. – Людей перепугаешь, пьяница несчастный. Кто-то стучит! Оглох, что ли?

– Там, кажется, обморок, – кивая наверх, невпопад сооб-

шил муж.

– Что ты несешь? «Белочку» схватил? Открывай, говорю!

– У вас нашатырь есть? – слышалось с галереи.

Супруги посмотрели вверх. Сквозь перила галереи было видно Артура. Наклонившись вперед, он махал над кем-то руками.

В дверь забарабанили с новой силой.

Тихо матерясь, Юрий пошел открывать, а Татьяна побежала наверх.

– Что тут произошло? – спросила она у Артура, машущего руками над Зоей.

– По-моему, обморок.

– Господи! Что за ночь-то сегодня! Я сейчас! – воскликнула хозяйка и поспешила вниз.

– Вы чего тут, перепились, что ли? – возмущался долговязый юноша, входя в холл.

– Ой, сынуля приехал! – обрадовано всплеснула руками Татьяна. – Как хоть добрался? Дорогу-то замело.

– Меня походу самого ща замело бы. Чо не открывали?

– Ой, потом! У нас обморок! – отмахнулась Татьяна и скрылась на кухне.

– С постоялицей что-то неладное. Мужа своего боится, – пояснил Юрий, закрывая входную дверь.

– С постоялицей? – брезгливо скривился сын. – Все-таки пансионат открыли? И чо? Много у вас постояльцев? Да еще с обмороком. Ха! Ну, предки, вы даете.

– Ты, Сергей, не очень тут, – проворчал Юрий. – Иди на кухню, мать покормит.

– Можно я как-нить сам определяюсь, куда мне идти? Вроде не в чужой дом прикатил.

Покачав головой, Юрий ушел на кухню. Оттуда выбежала Татьяна и зачастила по ступенькам на второй этаж.

– Дурдом, – провозжая мать удивленным взглядом, прокомментировал Сергей.

Он смотрел, как она хлопотала над кем-то, распростертым на полу. Рядом крутился какой-то тип в махровом халате. Вскоре тип подхватил на руки вялое женское тело и скрылся за дверью одной из комнат.

Пожав плечами, Сергей снял пуховик, медленно прошел к камину и упал в кресло. Дорога вымотала его, и вскоре он спал, вытянув длинные ноги в модных сапогах.

* * *

– Мне нужна отдельная комната, – заявила Настя после завтрака.

– Да где же я ее возьму? – изумилась Татьяна, составляя чашки в посудомоечную машину.

– Где хотите, – капризно, с плачущими нотками сказала девушка.

– Вот те раз! Такая очаровательная пара...

– Никакой пары не будет. После праздника мы разводим-

ся! – со слезами выкрикнула Настя и зарыдала, уткнувшись в ладони.

– Настенька, девочка моя, – всполошилась Татьяна, обнимая ее за плечи. – Успокойся, пожалуйста. Ну, поссорились. С кем не бывает? Милые ругаются, только тешатся...

– Никакой он не милый! Дракула и то милее его. Пусть один живет, раз такой... Такой... —

– Тшш! Тише, тише, детка! Мы так всех гостей перепугаем, – успокаивала Татьяна, похлопывая девушку по спине. – Пойдем, на кушетку сядем. Вот так. Давай, я тебе водички дам...

– Не надо мне никакой водички! Мне комната нужна. Не хочу его видеть, как вы не понимаете?

– Все я понимаю. Я сама через это прошла. Да что там прошла! До сих пор ругаемся, будто дети. Ох, Настюш, такая у нас женская доля – терпеть мужской произвол. Никуда от этого не денешься.

– Не буду я его терпеть!

– Ну, хорошо. Есть у нас кладовка под лестницей. Я вынесу вещи в сарай, вымою пол, поставлю раскладушку. Через час можешь въезжать.

– Ладно, – всхлипнув, улыбнулась Настя.

– Ну вот и хорошо. А потом, дай бог, помиритесь.

– Ну уж нет! Пусть без меня живет, раз не нравлюсь. А подчиняться не стану. Я ему не рабыня. Тоже мне, падишах нашелся.

Отвернувшись, чтобы скрыть улыбку, Татьяна бросила взгляд на кухонный стол и всплеснула руками:

– Батюшки, про тесто забыла! Через край полезло!

Она подбежала к кастрюле с тестом и подняла крышку, к которой прилипло поднявшееся тесто.

– Давайте я вам помогу, – предложила Настя.

– Ой, спасибо, моя хорошая! Вовремя ты предложила помощь! – обрадовалась Татьяна. – Я пока тесто разомну, а ты яблоки помой и нарежь.

– Как нарезать, дольками?

– Угу. Потоньше. Яблочный пирог к обеду испеку.

– Ура. Мой самый любимый.

– Вот и прекрасно. Дуршлаг на крючке висит, а яблоки в тазике. Вон там, видишь?

– Угу. Я фартук только надену.

На кухню вошел Сергей и уставился на Настю.

– Привет, – сказал он, разглядывая ее с ног до макушки.

– Привет, – ответила она, завязывая тесемки фартука.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.